

УДК 02.11.91

**ОТКРЫТОСТЬ ДРУГОМУ: ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ
В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКУЮ ЭТИКУ Э. ЛЕВИНАСА
(НЕ БЕЗ ПОМОЩИ Л. БЕССОНА)**

Г.В. Мелихов

Аннотация

Настоящая статья представляет собой реконструкцию не столько этических воззрений Э. Левинаса, сколько специфического опыта открытости Другому, который лежит как в основании философии Э. Левинаса, так и нашего повседневного общения.

Аристотель родился, работал и умер.
М. Хайдеггер

Место философской мысли Э. Левинаса в культуре XX века лучше всего можно выразить словом «после»: после феноменологии Э. Гуссерля и после фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Впрочем, не стоит торопиться, располагая мысль Левинаса вдали от памятных медитаций его именитых предшественников. Вне всяких сомнений, мысль Левинаса отмечена *печатью* философского творчества Гуссерля и Хайдеггера. Может быть, тогда слово «после» будет означать не столько жест прощания, отход от чего-то или уход к чему-то, но следование своей теме, своей интуиции на путях, проложенных мыслью *Другого*, буквально движение по (их) следу с вниманием не столько к прошлому – к тому, «что было сказано», но и «поверх слов» – к тому, что было и есть всегда, к абсолютно Другому.

То, что двигало мыслью Левинаса, всегда было с ним – и во время пятилетнего заточения в концентрационном лагере в Германии, и тогда, когда он слушал лекции Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, и позже, когда он продумывал основные положения своего ставшего впоследствии знаменитым трактата «Тотальность и Бесконечное» (1961).

Странно, что философия иногда может начинаться не с мысли и не с бытия, но с простого человеческого *опыта общения* – значимого взаимодействия с Другим, в ходе которого выясняется, что этот значимый Другой обязательно откуда-то *приходит*. В какой-то момент он проявляет себя, *обнажаясь* и раскрывая свое настоящее *лицо*. И нам в этой ситуации не остается ничего другого, как с удивлением обнаружить в себе *щедрость* ответного *дара*.

Вдумываясь в смысл простых слов «другой», «открытость», «любовь», «лицо» и др., двигаясь по следу мысли Левинаса, мы имеем возможность «заглянуть вглубь» повседневного опыта общения и ощутить его значительность.

* * *

Тема данного эссе – не собственно философия Э. Левинаса, не его феноменологическая этика, которая для Левинаса есть не что иное, как сама философия (этика для него и есть «первая философия»), но *опыт открытости Другому*, который лежит у самых истоков мысли философа. Причем я намерен проделать свою работу так, как будто опыт этот, да и сама философия Левинаса имеют непосредственное отношение ко всем нам. На самом деле, конечно же, философия не может и не должна служить *всем* людям – каждый из нас идет по жизни своей дорогой, и только некоторым выпадает случай встретиться с философией. Кто-то считает этот случай удачей, одним из самых удивительных приключений в своей жизни, кто-то другой – досадным недоразумением. Общих критериев для оценок здесь нет и быть не может. Поэтому, когда я говорю о доступности философии для многих людей (тезис во всех других случаях крайне сомнительный), я подразумеваю только одно – рассказ о философии Левинаса должен быть, по меньшей мере, *интересным*. А интересным для меня является все то, что позволяет нам взглянуть на привычное иными глазами. Проснуться, протереть глаза и... обнаружить себя вовлеченным в какую-нибудь головокружительную «историю». Разумеется, «истории» бывают разные, в том числе и совсем тусклые, неприглядные, их поскорее хочется забыть. Но я ведь говорю о том, что может быть интересно для нас, занимающихся философией, а значит, я имею в виду те «истории», которые могут освещать нас радостью *узнавания*, например, мы вдруг понимаем, что, оказывается, не так уж все и плохо, хотя бы потому, что устроено не совсем так, как мы *думали* об этом прежде. Мы предполагали одно, а на самом деле все оказалось по-другому, и гораздо лучше к тому же. Философски интересными, таким образом, бывают «истории», которые бросают нам вызов: можем ли мы мыслить иначе? Подумайте сами: с этой точки зрения интересным (то есть *другим* по отношению к наличному опыту мысли) может быть все, что угодно, а если что-то не так – значит, мы спим, нам ничего не надо, и потому мы с готовностью – от скуки – расставляем акценты, накладываем подходящие ограничения (теоретические, культурно-исторические, идеологические и т. п.), приговаривая при этом, что вот это нам нужно, а вот без этого вполне можно обойтись. Мы полагали, что обрели уверенность в жизни, а на самом деле просто утратили к ней интерес. Замкнулись в себе и *одеревенели*.

Полагаю, всем известна история про одного премного деятельного деревянного человечка (я имею в виду сказочную повесть А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»). Однажды Буратино оказался в гостях у Мальвины, девочки с голубыми волосами, и та, наивная, задумала обучить его арифметике. Между ними состоялся весьма примечательный разговор (излагаю его достаточно вольно): «У вас в кармане, – вдохновенно начинала процесс обучения Мальвина, – лежат два яблока», на что Буратино тут же возразил: «Врете, ни одного...». Мальвина, как девочка образованная и вежливая, поправились: «Предположим, – сказала она, – у вас в кармане лежит два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько яблок осталось?». Буратино, несколько не сомневаясь, продолжает настаивать на своем: «Два». «Подумайте хорошенько», – тактично замечает Мальвина. Буратино аж сморщился – так здорово подумал:

«Два». «Почему?» – недоумевает девочка с голубыми волосами. И тут же получает ответ: «Да не отдам я Некту яблоко, хоть ты дерись». На этом обучение Буратино математике завершилось. Не обнаружилось у Буратино и способностей к русскому языку. Ну что взять с деревянного человечка! Вызвать устойчивый интерес у него может только то, что ощутимо лежит в его собственном кармане... Я хочу сказать одну простую вещь: в каждом из нас живет такой «деревянный человечек», закрытый, замкнутый на себя, без воображения и способности к отвлечению (абстрактному мышлению), с которым если и случаются «истории», то совсем нерадостные, скучные, потому что судьба выкраивает его жизнь по мерке его собственного желания, в котором нет места ничему и никому *Другому*.

Задача человека, пишущего или ведущего беседы на философские темы, состоит не столько в том, чтобы систематически и полно изложить наличную информацию, подтверждая ее ссылками на существующие авторитеты, собственную компетентность и академическую весомость (ну надо же, он *знает* Платона или Гегеля!), а в том, чтобы... распахнуть окна, допустить приток свежего воздуха – дышите, думайте сами, ловите в себе «деревянного человечка». Кто-то может спросить: как это сделать? Честное слово, не знаю. Но можно попробовать прямо сейчас ухитриться и «схватить за нос» *собственного* «деревянного человечка», что в нашем случае будет означать только одно: взяв за отправную точку рассуждения Левинаса, Гуссерля и Хайдеггера, а также сюжетные перипетии одного небезызвестного фильма Люка Бессона, постараться понять, что значит быть *открытым Другому*.

* * *

Любая «история» начинается с «завязки» сюжетной линии. Наша «история» началась очень давно... Целостность человеческого существа на заре времен была умалена – Господь, создавая мир, исторгнул его из себя, ограничив не-собой, небытием¹. Отныне уделом человеческого существа стали двойственность и нехватка. Человек, утверждает Левинас, расколот, поэтому важнейшим человеческим опытом должен являться не опыт мысли, как у иных философов, а более изначальный *опыт встречи* с Другим, восстанавливающий исконный бытийный порядок. Таким образом, быть открытым Другому, держаться открытости означает стремиться к изначальной целостности, подлинному бытию. Этика Левинаса, безусловно, религиозна, но не только в узко конфессиональном смысле (Левинас был иудеем, на протяжении многих лет участвовал в семинаре по изучению Талмуда, был руководителем Еврейской педагогической школы восточных исследований² [1, с. 54]). Открытость Другому – это задание для человека, но установленное *не человеком*. Поэтому держаться открытости – значит держаться нечеловеческого (например, Божественного) за-

¹ Идея сотворения как умаления, а не приращения бытия используется в средневековой иудаистской метафизике.

² Интересно отметить, что среди авторов, оказавших на Левинаса значительное влияние, послуживших своеобразным введением в чтение Платона и Канта, он называл имена русских писателей-классиков: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого (Левинас прекрасно владел русским языком, годы Первой мировой войны и революции его семья провела на Украине, в Харькове, хотя родился он в г. Ковно, Литва), а также Шекспира и в особенности, его трагедии: «Гамлет», «Макбет» и «Король Лир» (см. [3, p. 22]).

мысла, а это уже метафизическое утверждение. Я надеюсь, это слово – метафизика – никого не пугает. В нашей культуре принято с уважением относиться к религии. По крайней мере, внешне мы все воздаем ей должное, но вот с метафизикой (то есть с рассуждениями на предмет разного рода «начал», которые можно воспринять только умом, умозрительно) дела у нас обстоят из рук вон плохо – не любим мы метафизику, не доверяем ее изощренным и, как мы полагаем, праздным построениям. Так уж у нас повелось. А между тем и религия, и метафизика сходятся в одном: они настолько преисполнены уважения к человеку, что признают его полное фиаско во всем, что касается самого существенного. «Всякая настоящая философия, – пишет умудренный опытом философ, – знает, как многое – все главное – совершилось прежде, чем мы успели заметить... Память об этом учит смирению» [2, с. 35]. Ну а «деревянный человечек», он-то, напротив, знает, что все находится в «его руках» – рано или поздно он *сам* достигнет всего. И вот одна самостийная жизнь встречается с другой... Полагаю, эта «история» нам хороша знакома – ломаются копья, трещат лбы, величина «деревянности» стремительно ползет вверх. О каком *опыте встречи* можно говорить тогда? Действительно, *так* могут «встречаться» пол и стул, на нем стоящий, или множество людей, угрюмо трущихся друг о друга в утренней «маршрутке»... Ничего не поделаешь, но так уж устроен мир, являющийся радикально Другим по отношению к своему Творцу. И тем, кто ощущает в себе нехватку и жаждет целостности не остается ничего другого, как попытаться восстановить исконный бытийный порядок хотя бы в отдельно взятой душе своей.

Наша открытость другим людям, считает Левинас, есть лишь свидетельство более изначальной открытости человека абсолютно Иному. Только так – через приятие абсолютной *друговости* Божественного – человек может понять и принять *инаковость* другого человека. Но это означает также и то, что «лики» Божества открыты нам уже здесь, на земле, надобно только почувствовать и принять другого человека в его абсолютной *инаковости*...

В основании левинасовской философии лежит экзистенциальный опыт *раскрытия* себя навстречу *инаковости* другого человека как образа и подобия абсолютной *друговости* Божества и тем самым опыта разоблачения собственной «деревянности» (потому-то философия эта и является этикой, хотя и в довольно специфическом смысле).

* * *

Человек нуждается в языке метафизики для того, чтобы описать в своем опыте то, что выходит за границы обыденного, не подчиняется прагматическим законам жизни, вольно устремляясь к тому, что многим кажется невозможным. Казалось бы, что может быть проще привычной установки на восприятие самых разных различий между людьми! В течение дня мы совершенно запросто общаемся с добрым десятком людей, непохожих на нас, совершаем множество совместных дел, ссоримся, миримся, встречаемся и расстаемся. Тысячу раз за день мы «открываемся» и «закрываемся». О чем может идти речь?! Но вот вошел в аудиторию философ и все испортил... Зачем столько пафоса? Зачем все так усложнять? Мало ему сказать: надобно быть открытым. Так нет, надо еще добавить и «добить» окончательно: *эта открытость не от мира сего*. Состоя-

ние открытости – не просто состояние готовности человека к общению, его способность слушать, видеть, воспринимать происходящее вокруг, понимать и быть понятым – все это лишь зримые проявления особой *работы* человека над собой: попытки переступить границы обыденного в порыве к невозможному. Как бы пафосно ни звучало все это, но открытость – это работа, и тут уж ничего поделаться нельзя! На этот случай философы даже придумали замысловатое словечко «трансцендирование», изрядно затертое сегодня. Но не будем обращать внимание на специальную философскую терминологию – мы не занимаемся историей философии. Гораздо насущнее понимать: в чем состоит смысл работы «быть открытым»? Далее я постараюсь более детально рассмотреть особенности этой работы, обращаясь для наглядности к характеристике других (помимо «деревянного человечка») персонажей нашей «истории». И прежде всего нам предстоит познакомиться с «человеком знающим», или «человеком долга».

* * *

Мне нравится фильм Люка Бессона «Пятый элемент». Нельзя сказать, чтобы это был очень глубокий по содержанию фильм, все там достаточно просто, но он мастерски смонтирован – настоящее визуальное пиршество. В этом фильме меня привлекает один эпизод, который, я надеюсь, будет нам полезен: в самом начале фильма главная героиня – Пятый элемент – оказывается в безвыходной ситуации. Причина этой ситуации проста: обычное человеческое непонимание... И вот Лилу уже преследуема полицией, назад пути нет, бежать дальше ей некуда – впереди простирается пустота и множество незнакомых, летящих навстречу друг другу машин. Что делает Пятый элемент? Вместо того, чтобы вернуться назад и вручить себя в руки преследователей, она безропотно бросается вниз. И вовсе не для того, чтобы окончательно свести счеты с жизнью. Совсем наоборот. Она буквально свалилась на голову именно тому человеку, которому это «событие» подошло лучше всего. Только такой обаятельный «добрый малый», каким его представил нам Брюс Уиллис, мог оказаться реальным помощником в нелегком деле спасения всего человечества. То, что делает Лилу, со стороны выглядит чистым безумием, но, как ни странно, именно это безумное действие оказывается единственно правильным и адекватным в этой ситуации. Все происходит достаточно быстро, но я предлагаю «остановить мгновение» и подумать о том, что могла пережить Лилу в несколько решающих секунд перед тем, как она *встретилась* с Корбенем Далласом. Очевидно, перед ней стоял выбор: сдать полиции, то есть идти по проторенному пути здравого смысла, или предпринять какой-то иной шаг в направлении к невозможному. Решение приходит мгновенно, потому что наша героиня *знает* свою судьбу, у нее своя миссия. Лилу действует, подчиняясь не *своей* воле, а всецело доверяя судьбе – события уже сцепились определенным образом, и некто уже вывел свою машину из гаража...

Значит, если ты – Пятый элемент и ты знаешь свою судьбу, то проблема для тебя состоит в том, чтобы при стечении конкретных обстоятельств помнить о том, *кто ты есть*, а это сделать достаточно трудно. Ведь рисунок происходящего в настоящий момент прихотлив, как поступить в конкретной ситуации – тебе заранее никто ничего не говорил. Приходится снова и снова

совершать усилие и выбирать самой. Стало быть, знание о том, *кто ты есть*, знание о своей судьбе является в некотором смысле излишним, «добавочным» по отношению к текущим событиям, потому как у этих событий своя логика и ты еще должен *понять*, какой все это имеет смысл для тебя в текущее время и в заданном месте. Поэтому и утверждается, что общение людей между собой не так просто – оно предполагает сцепление не только «видимых» обстоятельств и тел, но и полагаемых умозрительно – «невидимых» – судеб.

Ну а как быть тому, кто пока не знает своей судьбы? Если ты еще не «Пятый элемент», то главным для тебя является памятование о том, *кто ты не есть* (ты не есть «Я сам»).

Таким образом, наша *работа раскрытия себя* или *трансцендирование* начинается с некоего внутренне переживаемого сдвига *от* себя, «в сторону» от своей самостийной воли. Раскрывая себя, ты предполагаешь, что можешь действовать, подчиняясь не своей воле. А чьей? Уж не чужой ли? Не хотим мы этого! Нет, не чужой, но чему-то неизмеримо большему, чем наша собственная или сторонняя воля. Так Корбен Даллас раскрывает себя навстречу Лилу – своей судьбе, просящей его о помощи.

Все плохо складывается в настоящем у Корбена: долги, сложности на работе, непроходимые трудности в личной жизни. Поэтому Корбен сомневается, он не может рисковать. На какое-то время «деревянный человечек» даже одерживает над ним победу – от себя, мол, своих проблем не уйдешь. А дальше случается то, что он сам, потрясенный в прямом и переносном смысле, еле удерживая в руках штурвал управления воздушным такси, назовет глупостью. И ведь он прав: раскрытие себя навстречу неведомому, какой-то девчонке, свалившейся ему на голову, чистой воды безумие с точки зрения имеющегося у него под рукой расклада сил. Трудно сказать, что помогло ему «оторваться» от себя – то ли его лихое военное прошлое, то ли миловидное личико Лилу. Важно, однако, то, что Корбен трансцендировал *свою* ситуацию, предпочитая старым своим проблемам *неведомое*. Если Лилу – Пятый элемент – знала свою судьбу, то Корбен только отправился ей навстречу.

Итак, первый шаг в интересующем нас опыте раскрытия себя состоит в том, что мы «наступаем себе на горло» и наконец-то перестаем натужно тянуть ляжку одной бесконечно-витиеватой думы о себе самом. И уже одно это обстоятельство высвобождает массу нерастраченных сил – теперь у нас есть возможность встретиться с тем, о существовании чего мы и не подозревали ранее. Просто не замечали. *Раскрыть себя*, определенно, значит «вляпаться» в историю, в которую среди прочего замешано знание о том, кто есть ты. Остается только сосредоточиться и хорошенько подумать: где же ты *теперь* оказался?

* * *

Лилу и Корбен отправились на *другую* планету... Все здесь устроено иначе: другой ландшафт, другие действующие лица, да и все происходящее на «Земле», видится отсюда в иной перспективе – мы располагаем реальной возможностью столкнуться с самими собой, но уже как людьми *долга*. Что нового мы можем узнать о себе и своей работе, будучи на новом месте?

Эдмунд Гуссерль, безусловно, был «человеком долга». Но не только. Э. Гуссерль был еще и немецким мыслителем, основателем феноменологии – заметного явления в европейской философии XX века. Видимо, поэтому или по какой-то иной причине он был также не чужд и рефлексии. Э. Гуссерля, как и многих других мыслителей-классиков, интересовали различные ситуации в нашей жизни, конститутивном элементом которых является знание об этих ситуациях. В этом смысле можно сказать, что Э. Гуссерля интересовали *Знающие* люди, такие, например, как Лилу. Важная черта действий этих людей состоит в том, что они поступают, принимая в расчет некие абстрактные и весьма далекие от прагматических принципы. И, как ни странно, они оказываются правы, если не с точки зрения ближайшей, то уж в отдаленной перспективе – наверняка. Бедная Лилу, через что ей только не пришлось пройти, но ведь она оказалась права! Так вот, Э. Гуссерль как раз и был мыслителем, который занимал созерцательную позицию и любил наблюдать за тем, как наши собственные или чужие мысли влияют на различные ситуации. Для того чтобы ему было сподручнее наблюдать за движениями мыслей, он даже придумал метод, который назвал феноменологическим. Суть этого метода состоит в задании особой позиции наблюдателя *мыслей* об объектах. Первое, что должен сделать феноменолог – это свести (редуцировать) некое явление или процесс внешнего мира к его данности нашему сознанию. Например, если вокруг складывается неблагоприятная для нас ситуация и она имеет тенденцию к усугублению, мы в качестве феноменолога будем реагировать не на внешние нашему сознанию элементы ситуации (обстоятельства, людей), а на собственное сознание, – это ведь с нами что-то происходит. Воздействуя на свое сознание, мы располагаем возможностью изменить некоторые параметры внешней нам ситуации. По крайней мере, мы можем пересмотреть свое *отношение* к неблагоприятному для нас исходу дел, а это само по себе не так уж и мало.

Лилу, несомненно, действует с учетом того, что она уже знает – своей миссии. Лилу – Пятый элемент, ее место в раскладе вселенских сил однозначно определено, и она это прекрасно понимает. На то она и *Знающая*. Стало быть, Лилу не просто осознает себя, например, детали своего образа мыслей, она знает свою судьбу. Важной составляющей знания своей судьбы является Другой в том смысле, что воздействуя на конкретные ситуации и формируя их, Лилу полагается не на собственную прихоть, но руководствуется – давайте скажем это прямо – осознанием своего места во Вселенной.

На языке философии человека, знающего свою судьбу, как раз и можно назвать «человеком долга», действующего не по указке своих прихотливых желаний, но согласно высшему *принципу*, который определяет место каждого из нас в мире среди других людей. Выражаясь феноменологически, можно сказать и так: «человек долга» – это человек, воспитавший в себе навык редукции разнообразных ситуаций к принципам своего поведения, которые он способен удерживать в своем сознании. «Удерживать в своем сознании» – значит хотя бы иногда проверять свои принципы на прочность, *размышляя* над тем, что происходит с нами. В этом смысле «человек долга» стремится работать с параметрами внешней ему ситуации как с содержанием своего сознания. «Человек долга» не воспринимает происходящее пассивно, он воздействует на ситуацию, актив-

но формируя свое к ней *отношение* – свою позицию. Именно поэтому «человек долга» является Знающим.

Итак, второй шаг в нашей работе над собой состоит в том, что мы открываем в себе «человека долга»; мы учимся сознать свою судьбу, тесно связанную с другими людьми, подчинять себя сознательно избираемым (общезначимым) принципам поведения. И для нас это, безусловно, хорошая новость, потому как, раскрывая себя навстречу другому человеку и наступая себе, «деревянному», «на горло», мы определенно растем над собой... Кстати говоря, этот уровень высших общезначимых принципов, апроприированных отдельно взятой человеческой душой, в философии принято обозначать специальным термином «трансцендентальное Я».

А вот и новость плохая: непонятно, как нам быть с *инаковостью* другого человека? Возьмем те же нравственные принципы – ну, надо же, взяли и поставили в строй. Всех до одного! Наше «Я», сознающее свою судьбу, – всего лишь такое же, как и все. Да, но только с одной существенной оговоркой: как все другие *мыслящие*.

Инаковость другого человека аннигилируется в трансцендентальном Я.

«Знающий человек», или «человек долга», как бы рассуждает Левинас, это здорово, без его принципов общение превращается в сущий ад, спору нет. Но меня, думает свою мысль Левинас, интересует человек как образ и подобие *инаковости* Божества. Все люди разные, и от этого нам никуда не деться. При этом важно понимать: «плохая новость» не отменяет «хорошую»: действительно нет иного способа удержать себя в стороне от своей прихотливой воли, как время от времени напоминая себе, *кто есть ты* на самом деле. Но при этом, настаивает Левинас, надо бы еще и учесть *различия* – индивидуальные, возрастные, половые, какие угодно.

Другими словами, может ли Лилу – Знающая – *полюбить* простого и доброго малого Корбена? – вот вопрос, который как будто интересуется Левинаса.

* * *

Несомненно, любовь – живой опыт экстерности, опыт реальной встречи с *инаковостью* Другого. Но что особенно важно – в этом опыте живого общения индивидуальные границы (телесные, особенности душевного строя и т. д.), разделяющие влюбленных, границы, кажущиеся в опыте любви столь призрачными, не рушатся вовсе, хотя любящие *непосредственно* воспринимают друг друга. Мысли, чувства, самые неожиданные переживания, слова, случайные движения, неприметные черты – все это «не свое» бережливо и восторженно оберегается влюбленными. Что может рассказать об этом опыте реальной экстерности без стирания различий гуссерлианский «человек знающий»? Здесь, считает Левинас, нужен какой-то другой инструмент, нежели одно осознание, позволяющий нам, не чуждым понятия долга, более тонко настроиться на Другого.

Вне всяких сомнений, Мартин Хайдеггер был неплохо осведомлен о гуссерлианском «человеке долга». Но сейчас он интересен для нас двумя другими своими достоинствами: во-первых, к нему, также как и к Гуссерлю, хорошо относился Левинас – произведение М. Хайдеггера «Бытие и время» Э. Левинас ценил чрезвычайно высоко, ставил его в один ряд с «Федром» Платона, «Кри-

тикой чистого разума» Канта, «Феноменологией духа» Гегеля и «Временем и свободной волей» Бергсона [3, с. 37]; и самое главное, во-вторых, М. Хайдеггер был немного мистиком. И этого «немного» нам вполне достаточно для того, чтобы познакомиться с позицией мыслителя-мистика – еще одного, третьего, персонажа нашей «истории». Ведь мистик – это как раз тот человек, который живет порывом к невозможному, ему знакомо состояние настоящей экстериорности.

М. Хайдеггер считал, что он идет дальше своего учителя Э. Гуссерля – его интересовали не Знающие люди, люди долга, а мир, в котором живут эти и другие, самые простые люди, и тот изначальный опыт, в котором человек обретает свою связь с миром. Вместо того чтобы наблюдать, как наши мысли изменяют ситуации, не проще ли, считал Хайдеггер, сразу задаться вопросом: что *есть* наша, человеческая ситуация? Приведу простой пример: со времен Платона считали, что некая вещь, например вот этот вот стол, *есть* в той мере, в какой он есть его *идея*. Укажите на существенный признак стола, скажите, что это необходимый предмет мебели для..., и вы укажите на его бытие. Бытийствует сущность. Но, может быть, стол есть не только его идея, может быть, он представляет собой также кусок дерева, кем-то загубленного, грязный, неухоженный сейчас и к тому же помогающий нам в общении – он поддерживает собой томик избранных произведений Левинаса... Стало быть, простой вопрос о том, что есть стол, обращает наше внимание на ситуацию человека. Люди хлопотливо борются за «кусочек хлеба», натужно возводят небоскребы, строят самолеты, а потом разрушают их, сталкивая друг с другом; придумывают новые гаджеты, демонстрируя чудеса изобретательности в создании удивительнейших приспособлений, облегчающих человеку жизнь. Но не делает ли все это человек, задается риторическим вопросом Хайдеггер, только для того, чтобы избежать встречи с самим собой, сбросить с плеч своих бремя единственно заслуживающего его внимания – бремя своего существования? Ведь что такое человеческая ситуация, как не чистое тут-, вот-здесь-и-сейчас-бытие (или *присутствие*). Мне нравится термин, которым замечательный наш мыслитель и переводчик В. Бибихин переводит хайдеггеровское *Dasein*. Присутствовать – значит находиться *тут*. Что мы представляем собой здесь и сейчас? Присутствуем ли мы сейчас *при* мысли Хайдеггера или же нас больше волнует что-то другое: как обстоят дела у наших детей, родных и близких и что нам непременно нужно еще сделать сегодня? Присутствовать – значит памятовать о том, *кто ты есть*, не забывать свои принципы, но и – внимание! – быть *настроенным* на происходящее именно в это мгновение. Настроение – суть присутствия – это тонкая, едва уловимая мелодия, связывающая человека с сущим. Вот и свой метод М. Хайдеггер называет «герменевтическим», то есть понимающим, потому как рефлексия представляется Хайдеггеру инструментом грубым, не способным без искажений внимать *настроению*. Если Гуссерль «заклучил в скобки» внешний мир, чтобы наблюдать за тем, как мысли влияют на наши ситуации, то Хайдеггер «заклучил в скобки» гуссерлианское сознание в надежде уловить неуловимое – исконное единство человека и внешнего ему мира.

Следующий шаг в нашем опыте раскрытия себя состоит в том, что мы позволяем проявиться в себе «мистику» – человеку, который, памятуя о своем *долге* перед любым человеком и миром в целом, способен еще и *реально* ощущать

свое единство с миром, проявлять заботу о нем, тонко чувствуя и учитывая многочисленные связи человека и непосредственно окружающего его мира. Ибо другой человек – это не только другое сознание, но и другой жизненный мир, своеобразно вплетенный в мировое целое¹.

Но вот ведь какое дело, вновь обращает на себя внимание Левинас, нас и здесь подстерегают трудности. Дело в том, что хайдеггерианское *настроение* – вещь весьма тонкая, фоновая – смещаясь в сторону от себя, настраиваясь на сущее в целом и в контексте этого целого, хорошо чувствуя ситуацию конкретного человека, мы рискуем порою забыть не себя, любимого, (это забыть не страшно), а способность к рефлексии, потому как без этого, пусть и грубого, инструмента, удержать *инаковость* другого человека не представляется возможным². Все очень просто: чувствовать и переживать можно все что угодно, но недолго. А вот удержать в своем сознании *значимость* другого человека для себя – здесь уже нужен человек долга. Так что «мистик» не должен исключать «человека долга», где-то эти две позиции должны, примиряясь, сходиться.

Это означает, в частности, что гипотетическая (финальная сцена фильма не в счет, о чем может говорить один-единственный поцелуй, пусть и весьма затяжной?!) любовь Лилу и обаятельного, но простого парня Корбена невозможна до тех пор, пока «добрый малый» Корбен не научится рефлексии, а Знающая Лилу – способности тонко чувствовать другого человека (а не только решать Вселенские проблемы).

Кто-то скажет: это невозможно! Лилу – в нее мы верим, она – хорошая. Если Лилу найдет время да пожелает... Но вот Корбен, он, конечно, тоже хороший, однако научить его рефлексии – весьма сомнительное предприятие. Подсобить где, поднять что-то, отвезти-привезти, прикрыть собой, наконец, – это пожалуйста. А во всем остальном – сомнительно. Да, мышление – явно «не конек» Корбена. Но давайте-ка оставим наших героев в покое. Пусть они навсегда останутся там, где им и подобает быть согласно счастливому финалу фильма. Настало, наконец, время предоставить слово последнему персонажу нашей «истории» – «мистик» в нашей душе претерпевает еще одну метаморфозу и превращается теперь уже в «учителя». Это не означает, что в Левинасе я вижу «гуру» «на все времена». Просто в философии Левинаса, в его феноменологической этике наилучшим образом нашла свое выражение позиция не «человека долга», не «мистика», но «учителя»; позиция, которая сегодня, по какой-то давней нашей привычке или просто по недоразумению, считается в российской культуре наименее привилегированной, а то и вовсе никчемной.

* * *

Если бы мы спросили Левинаса: что значит открыть себя Другому? Он бы, пожалуй, ответил так: мы открываемся Другому, когда сознаем в себе долг относиться к любому человеку как к явленному нам Лицу.

¹ М. Хайдеггер, несомненно, говорит о едином для всех людей жизненном мире, но ведь этот единый мир, в соответствии с учением немецкого мыслителя, есть еще и часть опыта присутствия *конкретного* человека.

² Это утверждение не касается самого Хайдеггера, который был чрезвычайно рефлексивен, но является характеристикой его философской позиции в той мере, в какой она может быть помыслена *любим* другим человеком, и здесь нет никаких гарантий, что этот другой будет столь же рефлексивен, как и его именитый предшественник.

«Лицо другого было началом философии», – утверждает Левинас [4, с. 356].

Это не значит, что мы должны забывать думать мысль. Это утверждение означает, что мысль, какой бы своенравной она ни была, чем-то обязана Другому, далекому или близкому: Богу, учителю, подруге или другу, просто случайному собеседнику. Памятуя об этом, мы приучаем себя задумываться о том, к кому *лично* в настоящий момент обращена наша мысль.

Если подуманная мысль сильна, она способна обезоружить столкнувшегося с ней человека. И тогда Другой, обескураженный мыслью, неожиданно открывает свое настоящее *лицо*.

Чаще всего это лицо являет нам человека в его слабости. Мы вдруг понимаем, насколько находящийся перед нами человек одинок и беспомощен, словно обнаженная кожа, подставленная ране и оскорблению [5, с. 231]. Мы случайно узнали его тайну – оказывается, он хочет жить вечно. Он боится умереть.

Сможем ли мы выдержать это: наша мысль силой своей теперь уже испытывает на прочность нас – способны ли мы открыть себя слабости другого человека? Можем ли мы встретиться с ним лицом к лицу?

Да, если мысль, какой бы мощи она ни была, добровольно уступит свое место для проявления иной силы – силы сострадания.

Сострадать – значит милосердно открыть себя судьбе другого человека.

Мы страдаем человеку не когда взваливаем на свои плечи заботы об устройении его жизненного мира, но когда, принимая человека в его слабости, готовы участливо отнестись к его поискам собственной судьбы.

Тогда что такое сострадание, как не другое имя любви, понятой вне эроса, милосердие, возвышающееся над страстью?

Только мысль, добровольно отдавшая себя во власть милосердию, имеет право быть высказанной, потому что она ни на что не претендует и не желает ничего получить взамен.

Тогда что такое эта мысль, черпающая свои силы в любви, как не другое имя мудрости?

Мы говорим не потому, что хотим высказать *свои* мысли, а потому что не можем не слушать Другого и не откликаться на его слабость.

Только любящий способен принять *инаковость* другого человека, не боясь раскрыть себя перед ним, ибо что такое он, любящий, как не один из многочисленных «ликов» Божества, являющих в повседневном опыте общения запретельную *инаковость* своего бытия?

* * *

Удалось ли нам схватить собственного «деревянного человечка» за нос? Я не могу за кого-либо ответить на этот вопрос. Я даже не могу в этом нелегком деле в полной мере ручаться за себя самого. Зато мы немного узнали о возможных перипетиях нашего движения к открытости. Но боюсь, что и это еще ничего не означает. Какой бы «правильной» ни была наша мысль, разве можно вычерпать море?! Можно ли вообще утверждать, что ты *знаешь*, что такое этот опыт открытости? Гораздо важнее самому *иметь* этот опыт, снова и снова пытаться реализовать его в *своей* жизни, требуя от себя одного – понимания.

Да и Левинас, о чем *новом* он нам толкует? Все, о чем он говорит, выглядит лишь новым напоминанием о том, что и так давно и всем известно: отношения людей между собой несут печать взаимодействия тонко настроенных друг на друга Учителя и Ученика. Каждый из нас в своем общении с другими людьми должен быть, как Учитель, сдержан и мудр, и, как Ученик, смел и пытлив. Тогда общение людей друг с другом будет исполнено сострадания к слабостям и внимания к судьбам друг друга.

А с другой стороны, кто сказал, что философия должна учить чему-то новому?

Своеобразие философии Э. Левинаса состоит не столько в том, что он на место онтологии воздвиг этику, превратив эту последнюю в «первую философию», а в том, что он еще раз напомнил нам, христианам или иудеям, мусульманам или буддистам, что нравственное – это сфера живого человеческого опыта, всегда нового и богатого неожиданностями. И потому этика – это не знание должного, но дескрипция (описание) неустанной *работы* человека над самим собой – стремления всегда быть открытым Другому.

Статья подготовлена на основе лекции, прочитанной для слушателей факультета повышения квалификации Казанского государственного университета, не являющихся специалистами в области философии.

Summary

G.V. Melikhov. Openness to other: experience of introduction to phenomenological ethics of Emmanuel Levinas.

This article presents E. Levinas's phenomenological ethics through a description of experience of openness which ground Levinas's thought and human communication.

Литература

1. *Critchley S.* Emmanuel Levinas, 1906–1995 // *Radical Philosophy.* – 1996. – No 78. – P. 54.
2. *Бибихин В.* Философия и религия // *Вопр. философии.* – 1992. – № 7. – С. 34–44.
3. *Levinas E.* Ethics and Infinity. Conversations with Philippe Nemo. – Pittsburgh: Duquesne University Press, 1995. – 126 с.
4. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М., СПб.: Университетская книга, 2001. – 415 с.
5. *Левинас Э.* Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высш. религиозно-философская шк., 1998. – 265 с.

Поступила в редакцию
14.09.07

Мелихов Герман Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии философского факультета Казанского государственного университета, докторант.